

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Совет молодых ученых

Научно-методический отдел по работе с молодыми учеными
и специалистами университета управления
научных исследований СПбГУ

ЧЕЛОВЕК. ПРИРОДА. ОБЩЕСТВО АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Материалы

*14-й международной конференции
молодых ученых 26–30 декабря 2005 г.*

В 2 частях

Часть I

Издательство Санкт-Петербургского университета
2006

Секционное заседание
**ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ,
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

Руководитель — докт. филос. наук, проф. кафедры онтологии и
теории познания философского факультета СПбГУ
Ю. М. Романенко

И. В. Берестов, М. Н. Вольф

**РАЦИОНАЛИСТИЧНОСТЬ
ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ
КАК ОСНОВАНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО
ПРОЦЕССА В АНТИЧНОСТИ**

Мы утверждаем, что концептуальным ядром всей греческой философии являются проблемы, поставленные досократиками. Раннегреческие философы наметили (можно сказать — сформулировали) значительное число возможных философских проблем, тем самым заложив базис для дальнейшего теоретизирующего мышления. Эти проблемы можно разделить на три основных блока: онтологический, гносеологический, аксиологический, и все три блока были представлены у досократиков. Развитие философии тогда есть процесс построения концептуальных схем для преодоления тех апорий, с которыми столкнулись досократики. Разумеется, это ведет к новым апориям и к увеличению числа проблем, но изначальное ядро сохраняется всегда и хотя бы подспудно присутствует в любых философских построениях, обеспечивая единство древнегреческой философии.

Берестов Игорь Владимирович — канд. филос. наук, мл. научн. сотр. Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск) (e-mail: ber@ggd.nsu.ru);
Вольф Марина Николаевна — канд. филос. наук, научн. сотр. Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск) (e-mail: wolfmn@yandex.ru)

Показать единство древнегреческой философии можно демонстрацией *связанности между собой* проблем, поднятых на различных этапах развития античной философии. Кроме того, поиск таких связей позволит прояснить их формулировку. Далее, мы полагаем, что единство философских построений досократиков и связность поднятых ими проблем обеспечиваются подходом к решению этих проблем — *рационалистическим* по преимуществу. Такое заявление обязывает нас, во-первых, пояснить, что именно подразумевается под «рационалистическим подходом» и, во-вторых, продемонстрировать соответствие рассуждений досократиков указанному пониманию «рационалистического подхода». Следуя вышеизложенным принципам, можно составить «реестр» наиболее важных проблем, поставленных досократиками. Критерием отбора служила бы их значимость для последующих греческих философов или их неизменное наличие на каждом из этапов древнегреческой философии. Затем следует продемонстрировать связность отобранных проблем (по крайней мере, в рамках каждого раздела — онтологического, гносеологического и этико-аксиологического), указать на трудности, к которым приводят их решения, что, в свою очередь, создает новые проблемы и т. д.: благодаря этому мы сможем выявить *рациональность и непрерывность историко-философского процесса*.

Однако возникает вопрос: много ли даст нам простой список *фактически* поставленных проблем? Отметим, что состояние дошедших до нас текстов таково, что исследователям в большинстве случаев приходится лишь более или менее правдоподобно реконструировать те проблемы или даже только *тенденции* к их постановке (следы которых обнаруживаются в сохранившихся фрагментах), которые пробудили к жизни рассуждения философов. Кроме того, вряд ли они вообще стремились представить затруднение, лежащее в основании проблемы, с той же ясностью, которая много позже была достигнута Аристотелем.

В основание нашего подбора проблем положено признание философских концепций древнегреческих философов *рационалистическими* по преимуществу, и тогда сам проблемный подход предстает как способ выявления специфики рациональности их философских построений. *Признание рациональности* концепций древнегреческих философов позволяет сам проблемный подход представить как способ выявления специфики рациональности фило-

софствования на этапе древнегреческой философии. Мы полагаем, что в философских рассуждениях древнегреческих философов есть нечто общее, из чего их рассуждения исходят как из предпосылки — это попытка сделать свои построения рациональными, согласно познаваемости мира. Иными словами, древнегреческие философы пытались найти основания для противостояния агностицизму. Последующие же философы постоянно возвращались к «старым» проблемам, открывая в них новые аспекты. Тогда переосмысление и актуализация проблем и возникновение новых решений может рассматриваться как следствие попыток сделать принимаемую философом концепцию *еще более* рациональной.

Следует уточнить, что именно подразумевается под *рационалистическим подходом к решению проблем*. Разумеется, мы не будем пытаться определить «рациональность вообще» — рациональность *любого* поступков, рациональность обоснования *любой* позиции и пр. Наша задача более конкретна — понять, что такое рациональность философского построения или философской концепции.

Назовем *явным* (*to emphanes*) то, что дано человеку непосредственно: данные «обычного» чувственного опыта («видимое», «слышимое», «воспринимаемое вообще», «узнаваемое»), а также то, что *непосредственно* (без процедуры вывода и пр.) воспринимается с помощью ума («умозрительное»), например, суждения, полагаемые самоочевидными и не требующими обоснования. Назовем *неявным* (*to aphanes*) то, что не дано человеку непосредственно; таковым может быть новое знание, получаемое на основании явного, но не очевидное само по себе, а также некоторый «необычный» (например, мистический) опыт.

Будем считать тогда, что рационалистическая философская концепция есть такая концепция, в которой, кроме *явного*, присутствует также и *неявное*, которое *строится* на основании *явного* с помощью рассуждений, иначе говоря, с помощью логических процедур (таких, как дедукция, индукция, аналогия), причем указанным способом в *рационалистической* философской концепции могут быть построены *все* неявные законы существования явного сущего (или сущность последнего). Напротив, *иррационалистическая* философская концепция признает, что *обязательно* существуют такие неявные законы существования явного сущего (или сущность последнего), которые не могут быть построены указанным способом.

Указание на возможность построения «всякого неявного» подразумевает так называемый «запрет на невыразимость» в рационалистической философской концепции — «невыразимость опыта» и «невыразимость сущего с его законами». То есть, во-первых, признается наличие у человека способности ставить в соответствие друг другу данные *любого* опыта и суждения, иными словами, отрицается наличие (или, по крайней мере, значимость для познания) *непередаваемого* (например, экстатического) опыта. Хотя мы и назвали выше подобный опыт «неявным», тем не менее, для философской концепции он не имеет места либо не важен. Во-вторых, отрицается наличие в принципе *невыразимого (непознаваемого)* неявного и утверждается, что человек может познать неявные законы существования явного сущего. Статус «непознаваемого» в рационалистической философской концепции может сохраняться лишь за единичными сущими или за событиями, точное описание которых может оказаться невозможным; но они познаваемы в том отношении, в котором они подчинены универсальным законам.

В формулировке любой философской проблемы отражается осмысление затруднения, вызвавшего к жизни эту проблему; поэтому очевидно, что сформулировать проблему невозможно без использования *логических* процедур, следовательно, *постановка* любой философской проблемы всегда является *рациональным* актом. Но *решение* проблемы может осуществляться через построение как рационалистической, так и иррационалистической философской концепции. Склонность досократиков к построению рационалистических философских концепций (или рационализм их подхода к решению проблем) заключается в том, что большая часть их философских концепций допускает рационалистическую интерпретацию, хотя бы и весьма гипотетическую.

Теперь рассмотрим, что означает «построить или обосновать неявное на основании явного». Во-первых, это значит показать, что без наличия специфического неявного рассуждать о явном в принципе невозможно, а следовательно, невозможно и его познавать. В этом случае неявное служит условием познаваемости или мыслимости явного. Это — гносеологическая проблематика: неявное здесь есть «начало познания». Например, неявным может выступать «единое (как «одно и то же» либо «одинаковое») во многом», без которого сравнение явных сущих между собой (а значит, и познание их) невозможно. Видно, что изначальными проблемами

в учениях древнегреческих философов стали именно гносеологические проблемы: при выявлении методов построения неявного и обосновании его, суждения о нем превращаются в знание. Другие проблемы (мы рассмотрим еще онтологические и аксиологические), как мы попытаемся показать, могут рассматриваться как возникающие в результате попыток построить обоснование возможности познания неявного.

Во-вторых, для обоснования возможности познания неявного следует показать, что без наличия специфического неявного явное не может существовать. Действительно, объявление чего-либо неявного условием возможности познавательной деятельности порождает следующую проблему: либо такое *мыслимое* неявное существует, и тогда нам следует понять, отличается ли его существование от существования *чувственно воспринимаемого* явного, и какое из этих «существований» более «подлинно» (а любой ответ на данный вопрос порождает новые проблемы), либо *мыслимое* неявное не существует, и тогда не может ли наше познание его быть объявлено невозможным, так как познание не-сущего невозможно? Это — онтологическая проблематика: неявное здесь служит «началом существования». Например, неявным началом может выступать некоторое «единое» (как «одно», «гомогенное» и пр.) начало, из которого происходит все явное сущее. Пример такого неявного в креационистских концепциях (не представленных у досократиков) — Бог, явным в них служит творимый Богом мир, который, в отличие от Бога, непосредственно воспринимается нашими чувствами. В какой степени познаваемым признается неявное «начало существования» явного в какой-либо философской концепции, настолько же рациональной следует признать эту концепцию.

Но и в таком случае «обоснование существования явного» будет неполным: мы объясняем, *почему* (т. е. «через что» — *dia ti*) нечто существует, но не объясняем *зачем* (т. е. «ради чего» — *heneka ti*) оно существует. Поэтому, в-третьих, следует показать, что без наличия специфического неявного существование явного не может быть оправданно (не может представлять какой-либо ценности, не может быть лучше не-существования неявного) и не может иметь цели. Это — аксиологическая проблематика: неявное здесь служит «началом ценности сущего». Например, неявным может быть выступать некоторое начало (Бог), сотворившее явное сущее (мир), исходя из благих эсхатологических соображений. Также примером

такого неявного может служить начало, распоряжающееся рождением и гибелью сущих ради исполнения справедливости (Анаксимандр). Но избрать своей целью благо мира, а также осознать нечто в качестве ценности (блага) для себя может лишь свободное существо; таким образом, для «обоснования существования явного» мы должны представить концепцию свободы, что чревато многочисленными трудностями.

Далее, все, что делается свободным сознательным субъектом, делается с некоторой целью, и эта цель представляет для субъекта некоторую ценность или является благом. Благо, тогда, есть «начало действия». Кроме того, никто не делает что-либо ради зла или ущерба самих по себе, и в этом смысле благо также является началом действия. Благо, тогда, обосновывает действие: без существования неявного блага (или цели) — преследуемого субъектом действия — явное действие является бессмысленным. Обосновать действие означает указать, почему это действие следует предпринять, почему оно является ценным для кого-либо или «идет во благо» кому-либо. Поэтому рассуждение, показывающее, в чем именно заключается благость нашего действия познания, соответствует нашему пониманию рационального построения.

Подведем итог нашему пониманию рационалистического философского построения. Достаточно разработанное и полное рационалистическое философское учение можно понимать как базирующееся на решениях основных гносеологических проблем. Следует признать, что познание возможно только при наличии хотя бы одного из следующих начал: 1) мыслимости познаваемого (например, для этого познаваемые нами явления должны иметь нечто одинаковое); 2) существования познаваемого (например, порождающего и/или сохраняющего сущее существующим началом) и 3) познаваемого как цели: а) как целевой причины познания (ценность или «благость» познания), б) целевой причины для познаваемого сущего и в) целевой причины для действия начала существования сущего, иначе говоря, начала как цели действия, порождающего сущее или начала как цели действия, сохраняющего сущее существующим. Проблемы возникают при попытках понять онтологический статус познанного начала, при попытках понять соотношение нечто и познанного нечто, при попытках мыслить и познавать сам акт познания и его онтологический статус. Рассмотрение всех трех вышеперечисленных начал познания присутствует у досократиков, но

никто из них не попытался свести эти начала к одному или вывести их из какого-то единого основания. Вероятно, наиболее близко подошли к этому Гераклит и Парменид, однако и у них самые смелые реконструкции, пожалуй, не обнаружат унифицирующей три начала познания гносеологии. При этом чаще всего не учитывается или исследуется не во всех аспектах начало познания как цель — и Парменид может служить здесь весьма показательным примером. При этом он же весьма ясно показал, что попытка исходить из одного, казалось бы, самоочевидного положения — «сущее существует, не-сущее не существует», при его тщательном промышлении может исключить возможность исходить из нескольких несводимых к нему положений — по крайней мере, в некоторых интерпретациях его учения. Если принятие одного исходного положения можно объяснить его самоочевидностью, а в качестве следствий обнаружить исключение несводимых к нему положений, то принятие нескольких положений порождает трудные вопросы о числе и критериях отбора этих положений: количество комбинаций совместимых самоочевидных суждений не ограничено, и у нас нет оснований для того, чтобы предпочесть какую-либо одну из них. Поэтому одно основание для существования, познаваемости и пр. мира может рассматриваться как порождающее меньшее число проблем по сравнению с признанием нескольких несводимых друг к другу оснований.

Данное соображение, усматриваемое уже у досократиков, стало ключевым спустя несколько веков в учениях Плотина и последующих неоплатоников. Плотинское первоначало (Начало—Единое—Благо) выступает как: 1) начало мыслимости познаваемого истинно сущего, ведь какое-либо созерцание его есть необходимое условие для начала мышления; 2) начало существования познаваемого истинно сущего, ведь именно от него сущее происходит; 3) цель познания: а) как благость действия познания чем-либо истинно сущего или истинно сущим самого себя, б) как цель (объект) созерцания истинно сущего и в) как благое действие, препятствующее полному уничтожению сущего, предоставляющее ему возможность более полного существования. Благодаря этому мы можем охарактеризовать сквозные проблемы, связывающие всю греческую философию, как проблемы, возникающие при попытке мыслить условия возможности познания. Именно такой подход помогает выявить *рациональность и непрерывность историко-философского процесса* в древнегреческой философии.